

Кюрегян Амалия Левиковна

**ВИДЫ МОДЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ПРОВЕРБИАЛЬНОГО КОДА И МЕТАЯЗЫК ИХ
ФОРМАЛИЗОВАННОГО ОПИСАНИЯ**

В статье рассматриваются различные виды моделей английского провербиального кода. Автор доказывает, что данные модели обладают собственной структурной спецификой по сравнению с моделями других языковых единиц, и данного рода специфика является логическим следствием их основных социокультурных и коммуникативных функций. Для того чтобы описание вышеуказанных моделей было более целостным, в статье используется специальный метаязык, который является модификацией метаязыка Ф и метаязыка ALADDIN. Также приводятся фреймвые модели, позволяющие установить аналогию провербий на уровне глубинной структуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/21.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 1 (31): в 2-х ч. Ч. I. С. 76-79. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/1-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

**DOMINANTS OF STEREOTYPICAL IMAGE “SOMEONE” IN RUSSIAN LANGUAGE CONSCIOUSNESS
(BY MATERIAL OF DIRECTED ASSOCIATIVE EXPERIMENT)**

Kuzharova Irina Vital'evna

*Anton Chekhov Taganrog State Pedagogical Institute
rector@tgpi.ru*

The article by the material of directed associative experiment considers the dominants of indicative aspect of the stereotyping image –“Someone”. It is shown that this aspect is based on two contrasts corresponding to the oppositions –“sublime/earthly”, –“external/internal” penetrating the values of the Russian world, which act even under conditions of uncertainty of the pronoun under consideration –“someone”.

Key words and phrases: dominants; stereotypical image; indefinite pronoun; someone; semantics; Russian linguistic consciousness.

УДК 801

Филологические науки

В статье рассматриваются различные виды моделей английского провербиального кода. Автор доказывает, что данные модели обладают собственной структурной спецификой по сравнению с моделями других языковых единиц, и данного рода специфика является логическим следствием их основных социокультурных и коммуникативных функций. Для того чтобы описание вышеуказанных моделей было более целостным, в статье используется специальный метаязык, который является модификацией метаязыка Ф и метаязыка ALADDIN. Также приводятся фреймовые модели, позволяющие установить аналогию провербий на уровне глубинной структуры.

Ключевые слова и фразы: провербиальная единица; провербиальный код; лексема; фрейм; метаязык; структурно-семантическая модель; проверка.

Кюрегян Амалия Левиковна, к. филол. н., доцент

Самарский государственный технический университет

amalia@samaramail.ru

**ВИДЫ МОДЕЛЕЙ АНГЛИЙСКОГО ПРОВЕРБИАЛЬНОГО КОДА
И МЕТАЯЗЫК ИХ ФОРМАЛИЗОВАННОГО ОПИСАНИЯ©**

Р. О. Якобсон [18] писал о том, что поэтические тексты построены не только по правилам грамматики естественного языка, но одновременно по особым правилам стихотворчества, которые он именовал –“грамматикой поэзии”. Ю. М. Лотман [7; 8; 9] называл это явление –“верхорганизацией” художественного текста, накладываемой на его обычную языковую организацию. Задачей же нашей статьи является описание видов моделей английского провербиального кода, а также выявление их собственной структурной специфики по сравнению с моделями других языковых единиц. По нашим наблюдениям, знаковое строение английских провербий сходно со строением поэтических текстов. В своей совокупности правила построения провербий образуют эстетический жанровый канон английского провербиального фонда. Этот канон воплощается в структурно-семантических моделях, по которым построены английские провербиальные единицы.

В лингвистических и паремнологических трудах выявлены и описаны разнообразные модели устойчивых речений: фонетические [15; 16], грамматические [4], семантические [1], логические [13], структурно-семантические [6]. Такая классификация моделей может быть названа стратификационной, так как она показывает, на каких уровнях знакового строения провербий имеет место структурное единообразие. Помимо этой, в лингвистической литературе приводится иная – функциональная – классификация языковых моделей [10; 19] и др.), которую, на наш взгляд, можно применить и к моделям провербиальных единиц. Согласно ей, провербиальные модели подразделяются на статические (дескриптивные) и динамические; к числу последних относятся модели преобразования (трансформационные), модели понимания (интерпретативные) и модели порождения (генеративные). В дескриптивной модели отражён инвариант строения ряда провербиальных единиц (называемого модельным рядом) и ничего более. Такая модель представляет объект исследования в статике, как готовую данность, на его –“вертикальном срезе”, вскрывая его внутреннюю (глубинную) структуру. В трансформационной модели, сверх того, отражён путь перехода от –“текста” проверки к её смыслу и обратно, то есть закономерности провербиализации высказывания. В интерпретативных моделях, которые носят также название моделей анализа, показан механизм понимания образного речевого предложения. Если реципиенту заранее известны и устойчивое речение, и его смысл, он применяет к ним модель предыдущего типа, устанавливая характер связи между планом выражения и планом содержания.

Если же реципиенту неизвестен смысл устойчивого речения, он применяет к нему не трансформационную, а интерпретативную модель, соотнося его элементы с элементами денотатной ситуации. Такая модель в большей степени эвристична, чем предыдущая, поскольку её применение требует более творческого подхода: ведь реципиенту нужно проанализировать ситуацию и выделить в ней тот участок её структуры, который соотнесён (гомоморфно либо изоморфно) со знаковой структурой данного речения. При этом реципиент не только угадывает конкретный ситуативный смысл данной языковой единицы, но и устанавливает её обобщённое значение. Например:

The old woman who first said, *—It's no good crying over spilt milk*”, was a philosopher in her way. For what did she mean by this except that *regret was useless?* [20, p. 164]. / Пожилая женщина, которая сначала сказала: «Слезами горю не поможешь», была своего рода философом. Поскольку этим она хотела сказать, что сожалеть бесполезно.

Автор этих строк приводит воображаемую ситуацию, в которой якобы возникла эта поговорка: старушка пролила молоко, но благоразумно решила не огорчаться, рассудив, что слезами горю не поможешь. Так автор прослеживает путь от единичного конкретно-наглядного образа к генерализации смысла и проистекающей из него сентенции. Мысленное отслеживание реципиентом хода мысли продуцента есть понимание поговорки.

В отличие от моделей понимания, модели порождения ориентированы в обратном, то есть не в семасиологическом, а в ономастиологическом направлении. Они отражают не осмысление знака, а означивание смысла.

В системе языка правила построения поговорок не заданы в явном виде, в отличие от эксплицитно сформулированных правил в учебнике. Они заключены в генеративных моделях; однако последние тоже не существуют в языке в виде наглядных абстрактных схем. Исследователям приходится выявлять их путём сопоставления структурно однородных поговорок, образующих ряды, и затем описывать их обычными вербальными средствами либо на том или ином семантическом, в большей или меньшей степени формализованном искусственном метаязыке, иногда с применением разного рода схем и формул.

В нашей статье для этих целей используется специальный метаязык [5], который является модификацией метаязыка Φ , описанного в работе [14], и метаязыка *ALADDIN*, описанного в работе [17].

Единицы метаязыка, сочетаясь, образуют *пропозиции*, описывающие те или иные события или выражающие суждения. Важно подчеркнуть, что пропозиции выражают смысл не во всей его конкретности, а в его абстрактном контуре, отражая лишь реляционный каркас (актантно-ролевою схему) события, а также соответствующую модальность, оценку и поучение. Это отвечает определению модели как принципиально **неполного** описания объекта, в котором отражена лишь интересующая исследователя грань (или несколько граней) объекта.

Например, суждение *If you want to make an omelet (=omelette) you must first break the shell* может быть выражено следующей пропозицией: ЕСЛИ (x ХОЧЕТ ((x СОЗДАЁТ v) В МОМЕНТ t²)) ТО (НЕОБХОДИМО ((x РАЗРУШАЕТ c В МОМЕНТ t¹)), где терм x интерпретируется как «человек», v (лат. valor «ценный») – «ценность», c (лат. continere «содержать») – «вместилище». Эта пропозиция в обобщённом виде описывает оба плана данной поговорки: буквальный (где термы конкретизированы: v означает «омлет», c – «скорлупа») и переносный, где интерпретация термов x, v, c определяется ситуацией. Так, М. Уэст с помощью этой поговорки характеризует следующую ситуацию: «If you want to make omelettes for breakfast, but you don't want to crack the eggs» (M. West) [Цит. по: 2, с. 154]. / Если вы хотите создать идеальный политический механизм, то вы должны исключить все то, что мешает работе... Вы хотите без труда добиться каких-либо успехов? В данной ситуации терму v в переносном плане соответствует совершенный политический механизм, а терму c – его ненужные детали.

Однако вышеприведённой пропозиции недостаточно для того, чтобы смоделировать образную мотивировку этой поговорки. Для этого необходимо привлечь фоновые знания, описать их в виде нескольких пропозиций и объединить их в текст на метаязыке, представляющий собой фрейм данной поговорки. Ниже приводится такой фрейм.

1) **Исходное положение дел:** ((x ИМЕЕТ c) И (m (лат. *materia* — материал, вещество) НАХОДИТСЯ В c)) В МОМЕНТ t⁰.

2) **Желание:** (x ХОЧЕТ (x ИМЕЕТ v)) В МОМЕНТ t¹.

3) **Условия осуществления желания:** НЕОБХОДИМО ((x СОЗДАЁТ v) В МОМЕНТ t⁶).

4) **Намерение:** x НАМЕРЕН ((x СОЗДАЁТ v) В МОМЕНТ t⁵).

5) **Условия осуществления намерения:** НЕОБХОДИМО ((x ИСПОЛЬЗУЕТ m) В МОМЕНТ t⁴).

6) **Условия совершения действия:** НЕОБХОДИМО ((m НЕ НАХОДИТСЯ В c) В МОМЕНТ t³).

7) **Способ выполнения условия:** НЕОБХОДИМО ((x РАЗРУШАЕТ c) В МОМЕНТ t²).

8) **Вывод (сентенция):** ЕСЛИ (x ХОЧЕТ ИМЕЕТ v)) ТО (НЕОБХОДИМО (x РАЗРУШАЕТ c)).

На терминалах фрейма в буквальном плане переменные получают однозначную семантическую интерпретацию: c – «скорлупа», m – «питательное вещество яйца», v – «омлет», СОЗДАЁТ – «жарит» и т.д., а в переносном плане – разные (ситуативно-обусловленные) интерпретации.

Данная поговорка логически организована так, что последовательность необходимых действий в ней выстраивается в хронологически обратном порядке: чтобы насытиться, нужно съесть омлет; чтобы его съесть, нужно сначала его приготовить; чтобы приготовить омлет, нужно извлечь питательное вещество из яичной скорлупы; чтобы его извлечь, нужно разбить скорлупу. Такая инверсия обусловлена присущей поговорке сентенциозностью.

Однако в других случаях речевого употребления данной провербии аналогия структур семантических планов носит менее точный, более размытый (то есть не изоморфный, а гомоморфный) характер. Рассмотрим следующий пример:

She would be very upset, she would cry perhaps ... [But] you can't make an omelette without breaking eggs. It was better to have a good cry than to marry a man who was keeping another woman with your money (L. P. Hartley) [Цит. по: 2, с. 123]. / Возможно, она бы и расстроилась, даже расплакалась... Но в её случае лучше было бы выплакаться, чем выходить замуж за человека, который содержал другую женщину на её деньги.

С одной стороны, героиня будет огорчена тем, что ей придётся отказаться от замужества (это соответствует пословичному фрагменту *breaking eggs*); но, с другой стороны, таким путём они избавятся от жениха, оказавшегося проходимцем (это соответствует пословичному фрагменту *make an omelette*). Как видим, в данном случае аналогия планов весьма приблизительна, она не существует на уровне отдельных элементов (термов и операторов), а на уровне целых блоков (фрагментов) пословицы. Гомоморфная аналогия планов имеет место на более высоком уровне абстракции; она может быть описана более абстрактной, чем в предыдущем случае, с помощью, представляющей собой структурный инвариант семантических планов:

ЕСЛИ ((x ХОЧЕТ (x ИМЕЕТ) v) В МОМЕНТ t²) ТО (НЕОБХОДИМО ((x СОВЕРШАЕТ А) В МОМЕНТ t¹)), где фрагмент ИМЕЕТ v обозначает обретение какой-либо ценности, а фрагмент СОВЕРШАЕТ А – действие, являющееся условием обретения данной ценности. Приблизительность этой аналогии проявилась, помимо прочего, в том, что А. В. Кунин в своём Англо-русском фразеологическом словаре [3] счёл возможным поставить в соответствие рассматриваемой английской пословице русскую пословицу *Лес рубят – щепки летят*, сходную с ней семантически, но заметно отличающуюся от неё по форме плана выражения. Зато русская пословица *Не разгрызёшь ореха, не съешь и ядра* практически изоморфна английской в обоих планах.

Таким образом, провербиальные модели варьируют по степени конкретности/абстрактности в зависимости от меры сходства/различия структур семантических планов. Чем ближе гомоморфное соответствие к изоморфному, тем более подробно (конкретна) модель. Мы убедились в том, что при употреблении провербии в разных контекстах её семантический интеграл (инвариант буквального и переносного планов) то расширяется, то сужается, вбирая в себя то больше, то меньше семантических признаков. Такова гибкость речевого функционирования провербий, подтверждающая тезис М. В. Никитина о том, что на втором ономастиологическом уровне языка существуют не столько жёстко-фиксированные значения, сколько «правила содержательного варьирования» [12, с. 101]. Это варьирование было продемонстрировано нами выше на речевых примерах.

Итак, модели провербий обладают собственной структурной спецификой по сравнению с моделями других языковых единиц, и эта их специфика проистекает из их основных социокультурных и коммуникативных функций – аккумулировать коллективный опыт, задавать ценностное отношение к тем или иным явлениям бытия и предписывать (рекомендовать) правильную житейскую стратегию поведения. Фреймовые модели позволяют установить аналогию провербий на уровне глубинной структуры, дают возможность увидеть единообразие сквозь всё многообразие поверхностных структур анализируемых единиц.

Таким образом, исчисление провербиальных моделей показывает, какая часть когнитивного мира данного культурно-языкового коллектива в нём реализована. Это может способствовать выявлению универсальных и специфических черт, во-первых, этнического менталитета, а во-вторых, провербиального фонда данного языка.

Список литературы

1. Алёхина А. И. Исследование системной организации фразеологии современного английского языка (проблема фразеологических отношений и фразеологических структур): дисс. ... докт. филол. наук. Минск, 1985. 486 с.
2. Буковская М. В. и др. Словарь употребительных английских пословиц. М.: Русский язык, 1985. 232 с.
3. Кунин А. В. Англо-русский фразеологический словарь. М.: Русский язык, 1984. 944 с.
4. Кунин А. В. Курс фразеологии современного английского языка. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1996. 336 с.
5. Кюрегян А. Л. Структурно-семантические и прагматические характеристики английского провербиального кода: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Самара, 2009. 22 с.
6. Левин Ю. И. Провербиальное пространство // Контекст – 81: м-лы науч. конф. / Ин-т славяноведения и балканистики. М.: АН СССР, 1981. С. 95-96.
7. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха. Л.: Просвещение, 1972. 271 с.
8. Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике // Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотич. школа. М.: Гнозис, 1994. С. 11-263.
9. Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М.: Искусство, 1970. 384 с.
10. Мельчук И. А. Опыт теории лингвистических моделей «мысль ↔ текст». Семантика, синтаксис. М.: Наука, 1974. 314 с.
11. Михайлова Е. В. Фразеологическое моделирование в современных германских языках (на материале глагольных фразеологизмов немецкого, английского и нидерландского языков): дисс. ... канд. филол. наук. М., 1989. 262 с.
12. Никитин М. В. Лексическое значение в слове и словосочетании: спецкурс по общей и английской лексикологии. Владимир: ВГПИ, 1974. 222 с.
13. Пермяков Г. Л. Основы структурной паремииологии. М.: Наука, 1988. 236 с.
14. Савицкий В. М. Английская фразеология: проблемы моделирования. Самара: Изд-во «Самарский университет», 1993. 172 с.
15. Савицкий В. М. Аспекты теории фразеологических моделей. Самара: Изд-во «Тор», 1993. 65 с.
16. Савицкий В. М. Проблемы моделирования в английской фразеологии: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. М., 1996. 46 с.

17. Савицкий В. М., Абрамов В. Е. Глаголы действия и их дериваты: лингвокогнитивный подход. Самара: Изд-во НЦ РАН, 2005. 134 с.
18. Якобсон Р. О. Работы по поэтике. М.: Прогресс, 1987. 461 с.
19. Fleischer W. Die Modellierbarkeit von Phraseologismen – Möglichkeiten und Grenzen // Kontroversen, alte und neue: Akten des 7. Internationalen Germanisten Kongresses. Göttingen, Tübingen: Niemeyer, 1986. Bd. 3. S. 218-222.
20. Maughan W. S. The Summing up. N.Y., 1951.

ENGLISH PROVERB CODE MODELS TYPES AND THEIR FORMALIZED DESCRIPTION META-LANGUAGE

Kyuregyan Amaliya Levikovna, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Samara State Technical University
amalia@samaramail.ru

Different types of the English proverb code models are considered in the article. The author proves that these models have their own structural specificity in comparison with the models of other language units, and this specificity is a logical consequence of their main social-cultural and communicative functions. In order to make the description of the above mentioned models more integral, a special meta-language is used in the article, which is a modification of the meta-language *F* and the meta-language *ALADDIN*. Also the frame models are presented that allow ascertaining proverbs analogy at the deep structure level.

Key words and phrases: proverb unit; proverb code; lexeme; frame; meta-language; structural-semantic model; proverbs.

УДК 8; 82.0

Филологические науки

В данной статье раскрывается содержание понятия «инверсия» как литературоведческой категории, как принципа, действующего в художественном произведении. Прием инверсии исследуется в статье применительно к роману французской писательницы Франсуазы Саган «Здравствуй, грусть!». Основное внимание автор статьи акцентирует на лингво-стилистическом анализе лексико-грамматических характеристик принципа инверсии в романе с целью выявления способов выражения авторской иронии.

Ключевые слова и фразы: инверсия; авторская ирония; изменение изначального положения; «антиситуации»; смещение смысловых значений; переосмысление.

Лисник Марина Владимировна, к. филол. н.
Ивановский государственный университет
marinalisnik@mail.ru

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ИНВЕРСИИ В РОМАНЕ Ф. САГАН «ЗДРАВСТВУЙ, ГРУСТЬ!» КАК СПОСОБ ВЫРАЖЕНИЯ АВТОРСКОЙ ИРОНИИ©

Понятие инверсии как литературоведческой категории, как принципа, действующего в художественном произведении, мы находим в различных литературоведческих исследованиях. Изучению инверсии как «принципа организации художественного текста» посвящены статьи многих отечественных исследователей: А. С. Ахиезер [2, с. 116], Н. В. Беляк, М. Н. Виролайнен, [3, с. 109], Е. А. Чагинская [5, с. 154], Е. А. Абашкина [1, с. 13]. По определению Н. В. Беляк и М. Н. Виролайнен, «инверсия выражает единство противоположностей», а также предполагает «механическую перемену мест до полной трансформации» [3, с. 109]. Исследователь Е. А. Абашкина рассматривает в статье «Инверсия как принцип организации текста» понятие инверсии применительно к комической и сатирической литературе, генетически связывая данное понятие с культурой карнавала: «и всё, что казалось неизменным, становится своей *противоположностью*, являет собой *инверсию повседневной жизни* с ее устоявшимися, застывшими в серьезности нормами» [1, с.13]. Е. А. Абашкина определяет инверсию как «*оборачивание привычного*», которое «может приводить к утверждению истины, скрытой за привычным и знакомым» [Там же]. Возможности применения такой инверсии показаны в статье Е. А. Чагинской «От слова к образу: юродивый как инверсия соблазна». Безумие юродивого противопоставляется житейскому благоразумию и утверждается как истинное служение Богу и личный подвиг человека. ««*Переверачивание*» нормы», - по утверждению автора статьи, «выявляет ее ущербность, ее *не-истинность*» [5, с. 154].

Классификации инверсии, а также анализ ее концептуальной функции в художественном произведении, мы находим в литературно-философском исследовании уже ставшего классиком польского писателя-фантаста Станислава Лема «Фантастика и футурология» (Кн. 1). Обращаясь к «операциям», лежащим «в основе творчества в сфере фантастической литературы», С. Лем выделяет среди прочих «*операцию инвертирования*» [4, с. 284], «вариантом чего является конверсия или изменение» [Там же, с. 278]. В литературном произведении данная операция состоит в изменении изначального положения персонажей, их ролей, либо изначального положения